

Инсинуционизм Владислав Мамышев (Монро)

Большая задача для человека – это его социальный рост в лице общества, способность перепрыгнуть так называемый потолок, отпущенный в порядке наследственности и роковой предопределенности. Одним из кратчайших путей решения этой задачи является скользкая дорожка инсинуаций или социальный инсинуационизм, ибо применение других талантов может быть невозможным, трудоемким, продолжительным по времени и неэффективным. Часто прибегающие к инсинуационизму просто не обладают другими талантами (Хлестаков). Инсинуационизм – это не просто "искусство лганья", которым любовался Оскар Уайльд, а фактическое обоснование, документирование лжи, вымысла, создание логической правдоподобной цельной структуры, способной ввести в заблуждение оппонента, а лучше всего – убедить того в своей состоятельности (Чичиков).

Механизм построения этих структур-инсинуаций тот же, что используется в произведении других жанров искусства. За основу берется замысел автора, сюжет, а затем автор вдвухает в него жизнь при помощи всех красок мира до тех пор, пока произведение не заживет своей самостоятельной жизнью. В других жанрах искусства такая цель достигается в стремлении к прекрасному, в стремлении порадовать аудиторию (даже если аудитория эта – какой-то внутренний "голос" художника) и тем самым сделать ту или иную карьеру. К тому же стремится и инсинуатор, выстраивая свои инсинуации наиболее благоприятными для общества, для адресованной аудитории – как условия карьеры.

Правильно построенная инсинуация – кратчайший путь к успеху. Но часто очевидная и завидная эффективность инсинуационного пути развития влияет на то, что человек, не дав своему таланту развиваться в полной мере, губит в себе талант, забывает о нем и, достигнув какой-то выбранной цели в социальном росте, превращается в заурядного функционера. Бойся рисковать.

А бывает иначе. Перепрыгнув все планки, когда-то воспринимаемые как цель жизни, "голубая мечта", талантливый инсинуатор входит в еще больший азарт и достигает большего. Этот уже игрок, которого не остановить. Такой человек рискует потерять все, ибо любое неудачное столкновение с реальностью может в миг разломать все его воздушные замки. Это люди большого творческого полета, способные из скучной реальности человеческих гонок за жизненным успехом сделать увлекательную сказку, где тыква превращается в золотую карету, а Золушка в принцессу.

Инсинуаторы – это самоотверженные агенты волшебства, магии искусства в повседневной жизни. Они и блестящие актеры, и смелые художники с безусловным чувством стиля и меры, и убедительные литераторы... Инсинуаторы, процветающие в лоне других искусств, почти не рискуют: они неуловимы, ибо искусство – их родной дом, который не отторгнет, не развенчает инсинуатора. Например, инсинуационизм мифотворчества жизни большого художника ставится тому в заслугу, в культурные достижения. Даже для обывателя инсинуации в биографиях художников служат порою определением "человек не от мира сего".

И тем не менее инсинуационизм не выведен в отдельный самостоятельный жанр, вид искусства. Это не дает многим одаренным людям проявить свои способности в полной мере. Либо они сами губят свой талант, опасаясь быть разоблаченными в "незаконных", "нечестных" действиях, либо становятся жертвами своего азарта. Третья крайность, когда далеко зашедший в своем азарте инсинуатор становится социально опасным элементом. Особенно, если он выстраивает свои воздушные замки, озабоченный при этом собственным величием на подоплеке социальных и политических концепций.

Адольф Гитлер, Иосиф Сталин, другие тираны, сделавшие свои карьеры из ничего, принадлежат к гильдии инсинуаторов. Установленные ими режимы отмечены печатью людей творческих, не знающих пределов в полноте своих фантазий, не считающихся ради этих фантазий ни с чем и ни с кем... Методы, которые помогали им переходить все рубежи вплоть до рубежа высшей власти, весьма артистичны, смелы и даже авантюры. Подтасовки документов, фальсификации идеологического характера, оснащение собственных режимов специальной художественной линией, призванной имитировать уступающую ей реальность, и другие "чудеса" – воистину чудеса.

Дух творчества, питающий искусства, в том числе и инсинуационизм, исходит своими корнями из мифологической старины чудесных превращений, волшебников, всесильных магов, которые существовали как бы вот прямо среди людей да еще пользовались немалыми привилегиями и почетом. Совсем в древности их величали богами и полубогами, позже магами, позже колдунами, потом вообще плохими словами и даже вроде бы отказали им в праве на существование с повсеместным торжеством христианства и научно-технического прогресса. И можно предположить, что и т. н. дух творчества оказался загнанным в один угол под названием "искусство". Социальность его туда загнала и четко регламентировала отпущенный предел жанрами. Не помещающиеся в это "меню" таланты вынуждены сами пробивать себе дорогу, используя прочие социальные этажи в качестве своего творческого пространства, и тем самым вступать в незримый конфликт с этими этажами. Этот метод я и называю инсинуационизмом социальным. Но куда безопаснее и гуманнее было бы выделить инсинуаторам их почетное пьедестальное место на Олимпе человеческой пирамиды. Потому что в каждой мании величия присутствуют ментальные или сакральные предпосылки и стремление утолить эту жажду. В характерных моделях общественной социальности – пчелиных ульях и муравейниках – главными героями являются так называемые трутни и матки, ничего не делающие и живущие в полном довольстве, окруженные какой-то любовью и почетом. Рождаются они не по принципу четкой наследственности, как от отца к сыну, например, и никем не избираются, никаким голосованием, просто рождаются такими. У человечества тоже рождаются "особые" дети, но вместо положенных им пьедесталов они приходят в дико искусственное мироустройство, в котором придумали даже искусственный мозг и синтетическое сердце и где им просто нет места. Тогда то, дарованное природой стремление к величию, как соломинку утопающему, бросает им шанс инсинуационизма уже других инсинуаторов. Это так называемые инсинуационные "разборки", внутриклановые (Майкл Джексон и мальчишки, Мэрилин Монро и ЦРУ и т. д.).

Все это говорит о том, что даже при успехе социальный инсинуационизм не является самой гармонией, он, как говорится, не от жиру... Поэтому очевидна потребность выделения территории инсинуационизму. Даже в том же искусстве – как отдельный и оригинальный самостоятельный жанр.

А теперь о культурном феномене инсинуационизма и методике построения художественных пространств на примерах художественной жизни Санкт-Петербурга как колыбели нового, чистого инсинуационизма. Отцом жанра в моем родном городе по праву является Тимур Петрович Новиков, преподавший и мне по этому предмету необходимые уроки. Его инсинуации всегда блестящи и почти всегда так плотно внедряются в реальную культурную ситуацию, что обретают высокую художественную ценность и живут самостоятельной жизнью бессмертных произведений искусства. Так, мощнейшими инсинуациями с претензиями на вехи в истории культуры города, к которым Тимур Петрович приложил немало детородных стараний, можно назвать группу "Новые художники", ансамбль "Поп-механика", ансамбль "Новые композиторы", "Клуб друзей В. В. Маяковского", независимую телекомпанию "Пиратское телевидение", актуальное художественное движение "Неоакадемизм", художника Георгия Гурьянова, художника Дениса Егельского, фирму "Строгий юноша", "Свободную академию", искусствоведа Авдотью Ипполитову и еще многое-многое другое. Масса других, не менее блестящих инсинуаций Новикова так и не прозвучали, утерялись где-то в истории, видимо, оттого, что люди, которым надлежало претворять в жизнь заветы Петровича, оказались к тому не готовы.

Тимуровский опыт инсинуационизма был широко освоен многими, в каком-то особенном, чистом виде инсинуационной гениальности он проявился в арт-достижениях Сергея Бугаева (Африки), да и я сам, повторюсь, усвоил у Тимура многое на этот счет. Он ведет строжайший контроль за архивом, за прессой, за всей печатной и рекламной продукцией, что, как кирпичики, используется им в том, чтобы его колоссы на глиняных ногах обрели более реалистическую основу. И еще. Он никогда не выдает факты явно фальсификационного характера в голом виде, он обязательно их тщательно перетасует с фактами реальными, подтвержденными документально, и правильно расставит акценты. Тимур Новиков в инсинуационизме профессионал высочайшего класса и громадной практики, но все же пограничник. То есть использует свой дар не в полной мере, вынужденный балансировать на грани с реальностью, считаться с ней. Именно это пограничное состояние следует закрепить за понятием инсинуационизма как таковым. Какая-то незавершенность пограничных инсинуационных шагов и являет в полной мере прелесть этого направления в современном искусстве и позволяет сделать путь художника-инсинуациониста не тяжелой поступью, не массивными прыжками через препятствия, а легкой, воздушной походкой, сравнимой с полетом мотылька или орла в зависимости от величины отпущенного таланта.

Тимур предложил мне подробнее заняться исследованием инсинуационизма и выделением его в особую степень художественной практики, после того как проанализировал мое творчество за последний год. Дело в том, что уже больше года я находился в крайне "нерабочем" состоянии: я переживал очень сильную, роковую страсть – любовь. Мне было не до работы, и тем не менее я с успехом демонстрировал видимость этой работы, даже более того, изрядно преуспел в том, что называется карьерой. Весь год я продержался на чистом инсинуационизме и доказал свою исключительную талантливость в этом жанре.

При инсинуационизме не обязательно производить ту или иную продукцию, главное – документировать ее наличие всеми возможными средствами. Если человек уверен в своих тех или иных творческих возможностях, знает, на что способен, а публика, как известно, часто бывает неблагодарной, то он может ограничиться созданием произведений просто в своем воображении, а неизбежные последствия (успех у критиков, каталоги, документация) симитировать. Это и фотомонтажи, и инсценированные фотографии, и издание каталогов задним числом, "видеосъемки" и т. д. За неимением у многих художников достаточных средств к реализации тех или иных грандиозных замыслов – путь инсинуационизма спасителен. К тому же особого обмана эти инсинуации из себя не представляют. Ведь если инсинуация сделана качественно, правдоподобно и впечатляюще, то это и есть произведение. Во время торжества компьютерных технологий, когда огромное количество трехмерной информации умещается в крошечных дисках, инсинуация перестает быть обманом, ибо она выполняет ту же задачу: она позволяет фиксировать огромное количество идей как осуществленных идей, экономя при этом время на реализацию и немалые средства. Если виртуальная реальность компьютера почти приравнена к нашей обычной реальности, то чем хуже в этом смысле виртуальность внутреннего мира художника? Она богаче, совершеннее и способна вместить в себя больше информации, которая, бесспорно, не менее реальна, чем Красная площадь.

Так же инсинуационизм позволяет экономить экспозиционные площади выставочных залов, музеев и галерей. Как дискеты экономят море бумаги, леса и реки. Таким образом инсинуационизм правдив, экологичен и лучше, чем проектирование, ибо инсинуация – это фиксирование "состоявшихся проектов".

Большинство населения земли не видело Мону Лизу "живьем", но то же большинство в курсе, что это шедевр Леонардо да Винчи и что он из Лувра. Получается, что благодаря растиражированному фиксированию этого факта сам факт обретает реальность. Да здравствует инсинуация художественных произведений во всех жанрах как скорейший путь к пополнению копилки культурных достижений человечества! Да здравствует инсинуационизм как средство экономии материальных средств и драгоценного времени гениев!

Да здравствует инсинуационизм как ответ внутреннего художественного потенциала человечества бесстрастным компьютерным технологиям в преддверии нового тысячелетия!